

Глава 32. Анализ (часть III)

С первым криком петуха забрезжил рассвет.

Ли Синлань, Чэнь Гэ и Бэй Чэнь поселились в небольшом дворике, напоминавшем традиционный сыхэюань. Чэнь Гэ, чья комната находилась посередине, всю ночь проворочался с боку на бок, так и не сомкнув глаз.

Пусть сейчас его тело и не могло «порадовать» окружающих темными кругами под глазами, дух его определенно пребывал в упадке. Рано утром он, сонный и помятый, привалился к подоконнику. Он едва открывал глаза, вихрастая копна волос превратилась в воронье гнездо; Чэнь Гэ то и дело оглашал окрестности протяжным зевком.

— Что это? — пробормотал он, с трудом разлепив веки.

На подоконнике стояла маленькая бамбуковая корзинка. Поскольку старые рамы открывались только наружу, парню пришлось нацепить сапоги и, громко шлепая подошвами, выбежать во двор.

В корзинке лежали змеиные ягоды, всё еще усыпанные капельками росы. Вода, которой их мыли, уже испарилась, осталась лишь утренняя влага — очевидно, подношение стояло здесь довольно давно.

Чэнь Гэ подхватил корзинку и, не застегнув толком обувь, припустил по дорожке, как вдруг наткнулся на чью-то крепкую грудь.

— Ой, виноват! — выпалил он, поспешно отстраняясь.

Подняв взгляд, он увидел Ли Синляня. И сам не понял почему, но он мгновенно вспыхнул густым румянцем.

Ли Синлань в момент столкновения, казалось, весь напряжился, а когда Чэнь Гэ посмотрел на него, и вовсе застыл с каменным выражением лица.

Чэнь Гэ, решив, что снова вызвал у товарища раздражение, отступил еще на пару шагов и неловко спросил:

— Ты... рано встал, да? Тоже не спалось?

У Ли Синляня под глазом залегла отчетливая тень, будто он пытался изобразить «смоки айс». Второе око скрывалось в тени капюшона, а из-за старых ожогов разобрать цвет лица было почти невозможно.

— Мы вчера не договорили, — глухо отозвался он. — Я вернулся к себе и еще раз всё обдумал.

Чэнь Гэ тут же посерьезнел:

— Точно. Кто-то за нами наблюдает. Где он? Чего хочет?

Ли Синлань бдительно огляделся по сторонам.

— Не знаю, это лишь предчувствие. Помнишь, пару дней назад я гадал тому недотепе... господину Чжану Юаньцзю? Это своего рода ментальный отклик. Не волнуйся, я буду начеку.

Чэнь Гэ ободряюще хлопнул его по плечу:

— Да не напрягайся ты так. Может, это кто-то из своих? Пришел помочь?

На этот раз Ли Синлань не отпрянул. Он остался на месте и вдруг совершенно естественно улыбнулся.

Чэнь Гэ впервые видел этого угрюмого человека с живой, открытой улыбкой. Сердце его наполнилось необъяснимой радостью, и он невольно заулыбался в ответ.

Они стояли под сенью тысяч ветвей цветущей бегонии. Воздух, пропитанный сладковатым ароматом розовой пыльцы, казалось, застыл, создавая иллюзию вечной весны.

Придя в себя, оба осознали, что вот уже целую минуту глупо улыбаются друг другу. Каждый в душе обозвал себя идиотом.

Чэнь Гэ, как натура более толстокожая, лишь поскреб в затылке:

— Ну что, продолжим? Вдруг наш соглядатай любит поспать подольше? Ой, чуть не забыл — «змеинные пузыри»!

Он радостно выкрикнул название ягод на родном диалекте и, усевшись на галерее, принялся за угощение.

— Присаживайся, будем болтать и есть!

Ли Синлань расположился на приличном расстоянии и жестом показал, что не голоден. Они начали разговор. Очевидно, Ли Синлань «подготовился к уроку» заранее.

— Смотрел «Интерстеллар»? — спросил он. Учитывая весьма ограниченный багаж знаний Чэнь Гэ, Ли Синлань решил прибегнуть к аналогиям из научной фантастики.

Чэнь Гэ уловил эту деликатную заботу и внезапно почувствовал, насколько товарищ может быть внимательным. Он приободрился — наконец-то всплыла тема, в которой он хоть немного разобрался. Парень вскинул руку, как прилежный ученик:

— Видел! Люди будущего из высших измерений создают червоточину, чтобы человечество, гибнущее в прошлом, смогло добраться до далеких звезд и найти новый дом.

— Они прошли сквозь червоточину, — продолжил Ли Синлань. — Но это был лишь туннель. Представь гусеницу на поверхности яблока: она прогрызает путь насквозь и мгновенно оказывается на другой стороне. Их прыжок никак не повлиял на саму Вселенную. Знаешь почему?

Чэнь Гэ, перепачкав пальцы соком, мотнул головой:

— Ты не должен задавать вопросы, просто читай лекцию дальше.

Ли Синлань непроизвольно протянул руку, словно хотел коснуться его, но тут же опомнился. Его ладонь замерла в воздухе на несколько секунд, после чего он медленно убрал её — странный, необъяснимый жест.

Он спрятал руки в складках одежды и заговорил вновь:

— Это потому, что они перемещались не между двумя независимыми Вселенными, а между двумя точками в одной и той же. Представь наш мир как надувающийся воздушный шарик. На разных его концах живут две муравьи. Они хотят найти друг друга.

— А, «эффект раздувания», я видел это в научно-популярных передачах, — оживился Чэнь Гэ. — Муравья ползет, но шарик раздувается быстрее, чем она успевает перебирать лапками. В итоге, хоть они и на одном шарике, они никогда не встретятся. Поэтому их миры друг для друга — параллельные Вселенные.

— Верно, — кивнул Ли Синлань. — Это называется «параллельные вселенные в пределах горизонта событий». Они не изолированы абсолютно. Если одна муравья проткнет шарик насквозь, создав короткий путь, она мгновенно попадет на ту сторону.

— Вот оно что! — подхватил Чэнь Гэ. — Поскольку Вселенная — не шарик, то в «Интерстелларе» червоточина возле Луны сработала как замена медленной электрички на скоростной экспресс. Это не разрушает систему.

— Ты сообразителен. Теперь подумай о нас. Когда наш корабль вошел в червоточину... Если бы

мы просто перешли в такой параллельный мир, твой старший брат никогда бы не произнес те слова.

— Да... Вся Вселенная будто... взорвалась. Я это чувствовал, на каком-то подсознательном уровне.

— Значит, теория «горизонта событий» отпадает. Вторая теория — «инфляционные параллельные миры». Она основана на теории Большого взрыва. Считается, что Вселенная расширяется вечно, но в некоторых зонах расширение случайно останавливается, образуя стабильные «карманы». В таких «карманных вселенных» и живут люди. Хотя слово «карманные миры» тут подходит больше.

Чэнь Гэ задумался:

— То есть это улучшенная версия первой теории? Они всё еще существуют в рамках единого целого?

— Таких теорий всего девять. Не пугайся, я помню только еще две, но они должны быть тебе знакомы. Первая — теория струн: всё сущее состоит из вибрирующих «струн», чьи колебания порождают множество независимых, наложенных друг на друга миров. Вторая — квантовая механика. Помнишь самый знаменитый эксперимент? Двухщелевой опыт.

— Добро пожаловать в программу «Очевидное — невероятное», — вздохнул Чэнь Гэ, отправляя в рот очередную порцию ягод. — Знаю. Один электрон проходит сквозь две щели одновременно, становясь двумя. Копенгагенская интерпретация, скрытые параметры, диалектический материализм, буддизм... Ученые до сих пор спорят до хрипоты.

— Не углубляйся в детали, оставим это академикам.

Ли Синлань снова повторил тот странный жест: рука дернулась к Чэнь Гэ и бессильно упала обратно.

— Сторонники этой теории полагают, — продолжал он, — что в момент наблюдения электрон не раздваивается. Вместо этого возникают две параллельные Вселенные. В каждой из них — по электрону, и они никак не связаны между собой.

Чэнь Гэ, чьи губы окрасились в ярко-алый цвет от ягодного сока, машинально облизнулся и пробормотал:

— Ну, есть между ними связь или нет — нам-то какое дело?

Ли Синлань отвел взгляд, уставившись на свисающие ветви бегонии.

— Прямое. Ты ведь не станешь отрицать, что мир, в котором мы оказались, в корне изменился?

Чэнь Гэ кивнул:

— Здесь есть демоны, души и легенды, которые, похоже, вовсе не вымысел. Это совсем не то место, где мы жили раньше. Но при этом ход истории здесь почти в точности повторяет наш.

— Именно поэтому я так подробно объяснял тебе концепцию энтропии. К какому выводу мы пришли? Время не течет вспять. Вероятность инверсии времени ничтожно мала.

—...Продолжай, я слушаю.

— Время не может повернуть назад. И ты сам сказал: «почти в точности». Значит, мир иной. Мы действительно «вернулись в прошлое», но это прошлое в строгом смысле им не является. Если ты помнишь слова Цзянь Юньлана, значит, в червоточине ты оставался в сознании. Помнишь что-нибудь еще?

Чэнь Гэ зажмурился, вызывая в памяти обрывки того момента:

— Помню. Сначала я услышал слова Цзянь Юньлана. В это же время на корабле что-то случилось, и я отключился. Ты ведь знаешь — шпион мог убить пилота до того, как тот сменил курс. Мы вошли в червоточину, а потом... Вселенная будто исчезла в одно мгновение, и прогремел новый Большой взрыв.

— Твоя память тебя не обманывает. Мы зафиксировали инверсию времени, затем вошли в червоточину и стали свидетелями коллапса и взрыва. Выйдя же наружу, мы четко осознали, что оказались в прошлом. О чем это говорит?

— О том, что мы стали внешними наблюдателями, — осенило Чэнь Гэ. — Раз мы осознали эти события, значит, мы уже не были частью той системы. Мы вышли за пределы своей Вселенной и увидели её финал со стороны — и в пространстве, и во времени. Скорее всего, червоточина — это независимое пространство. Но как мы могли туда попасть, если оно вне системы?

— Как только мы вошли в червоточину, время начало инвертироваться, и Вселенная схлопнулась. Это значит, что само наше вторжение в туннель повлияло на родной мир. А раз мы видели изменения — значит, мы уже были вне его. Это доказывает: червоточина автономна. Она вообще не принадлежит той Вселенной. Понимаешь? Наш вход в неё стал триггером катастрофы.

— Всё равно что-то не сходится, — нахмурился Чэнь Гэ. — Мы почувствовали инверсию времени еще до того, как вошли в туннель.

— Нет. Когда Цзянь Юньлан произнес первую фразу, мы еще были снаружи. Мы не могли

знать, начался ли откат. Скорее всего, в тот миг всё еще было в норме. Но на второй фразе мы, вероятно, достигли границы червоточины. Именно тогда время и повернуло вспять.

— Пожалуй. Тот миг был слишком размытым, кто разберет, где граница... Помню, я спрашивал тебя, что будет, если энтропия начнет убывать. Неужели из-за того, что мы покинули ту Вселенную, энтропия в той временной точке упала?

— Именно. Раньше я не отвечал, потому что никто не знает последствий уменьшения энтропии. Но теперь ответ очевиден: это ведет к коллапсу Вселенной и хаотичной инверсии времени.

— Теперь я понял, к чему ты клонил с параллельными мирами. Только в теории струн или квантовой модели возможно существование места, независимого от нашей Вселенной... Места? Трудно подобрать слово. Но мы здесь. Эта червоточина — мост между двумя параллельными мирами, не принадлежащий ни одному из них. И для нас всё это заняло мгновение, хотя на самом деле могли пройти зоны лет. Вселенная пересобралась заново.

— Чувствую, что упускаю что-то еще, будто...

— Чэнь Гэ! Ты что, боров? С самого утра только и делаешь, что жрешь!

Хань Тан, размахивая мечом, ворвался во двор и тут же одарил друга презрительным взглядом. Чэнь Гэ радушно махнул ему рукой:

— Иди сюда, попробуй «змеиные пузыри»! Обожаю их!

Увидев постороннего, Ли Синлань замолчал. Сославшись на недомогание, он поспешно скрылся в своей комнате.

Хань Тан, ворча, присел рядом. Он закинул в рот пару ягод, и тут же перекоксился:

— Фу, кислятина. И это... спасибо.

— А? — Чэнь Гэ опешил. — Так это ты их собрал?

Хань Тан раздраженно цыкнул:

— Еще чего! Понятия не имею, откуда они взялись. Смотри не отравись. Стану я еще время на это тратить...

«Странно», — подумал Чэнь Гэ. В резиденции господина Бяньяна жило всего-то четыре с

половиной человека. Это точно не Хань Тан и уж тем более не сам Бяньян-цзюнь — тот по горам не лазает.

Ли Синлань?

Чэнь Гэ яростно замотал головой. Быть не может. Он же суровый натурал, который терпеть не может геев.

Наверное, Бэй Чэнь принес. После вчерашней неразберихи... Но что это значит? Извинение? Или у демонов так принято проявлять симпатию? Нет, он, конечно, красавец, но Чэнь Гэ к нему ничего такого не чувствует.

Размышляя об этом, парень вдруг густо покраснел и, придвинувшись к самому уху Хань Тана, зашептал:

— Слушай, а мужчины... ну, они могут рожать детей?

Хань Тан посмотрел на него с таким ужасом, что в наше время точно выдал бы: «Ну ты и дебил». Однако, будучи благородным юношей с зачатками воспитания, он лишь замялся:

— Слыхом не слыхивал. Думаю, нет. Может, у отца спросишь?

— Нет-нет-нет! — всполошился Чэнь Гэ. — Я так, из чистого любопытства. Ну что, помашемся?

Спустя час Хань Тан, вдоволь натерпевшийся от Чэнь Гэ, бессильно рухнул на землю.

— Ты точно не демон? Откуда в тебе столько дури?!

Смеясь, Чэнь Гэ помог ему подняться:

— Ли Синлань же говорил тебе: не полагайся на одну лишь грубую силу. И не лезь на рожон с мечом наперевес. В бою голова должна быть холодной.

Хань Тан лишь хмыкнул. А Чэнь Гэ вдруг ляпнул невпопад:

— Ну и что с того, если я демон? Разве демоны не могут быть друзьями?

Хань Тан лихорадочно блеснул глазами. Он стиснул зубы и спросил:

— Ты видел настоящих демонов?

Чэнь Гэ кивнул:

— Аж двоих! Один из них — вот та-а-акой дракон! — Для наглядности он развел руки в стороны.

Хань Тан так и замер, открыв рот:

— Целый дракон?!

— Ага, — самодовольно подтвердил Чэнь Гэ. — Я ему нечаянно ус выдрал. Скользкий такой, зараза.

Хань Тан сглотнул:

— И куда он делся? Говорят, после битвы при Чжуню все демоны скрылись в горах Куньлуня. И ходят слухи, что настанет день, когда они вернуться.

— Кто знает... — протянул Чэнь Гэ. — А что еще говорят?

Хань Тан принялся пересказывать городские небылицы и предания. Чэнь Гэ слушал, открыв рот от удивления:

— Бэй Чэнь наверняка знает больше. Если тебе так интересно, спроси у него.

Хань Тан покачал головой:

— Да он на всех свысока смотрит, слова из него не вытянешь.

В этот момент над краем крыши внезапно показалась голова Бэй Чэня. Его длинные седые волосы живописно рассыпались среди цветов бегонии.

— И кто же это тут у нас смотрит на всех свысока?

Чэнь Гэ от неожиданности подпрыгнул и, схватив Хань Тана за руку, позорно бежал.

Бэй Чэнь, грациозно спрыгнув с крыши, мягко приземлился на дорожку. Он заметил оставленную на скамье корзинку, выудил пару ягод и тут же поморщился:

— Какая кислятина.

Он небрежно отшвырнул пустую корзинку и, отряхнув руки, не спеша направился вслед за Чэнь Гэ.

Дворик снова погрузился в тишину.

С тихим скрипом отворилась старая деревянная дверь. Ли Синлань вышел на порог. Его темно-синее одеяние было безупречно выглажено. Оставшись один, он не стал надевать капюшон, открыв изуродованную левую половину лица. Кожа там покрылась грубыми корками и пятнами — зрелище не для слабонервных, сущий выходец из преисподней.

Однако взгляд его был необычайно глубоким и полным нежности, словно тихая заводь в сумерках.

Он подошел к галерее и медленно наклонился, чтобы поднять брошенную корзинку. Алый ягодный сок растекся по камням неопрятным пятном.

Ли Синлань провел длинными пальцами по краю бамбукового плетения, будто пытаясь поймать уходящее тепло чьих-то рук.

Но корзинка давно остыла.

И в пустом дворе раздался его тихий, безнадежный вздох.

<http://bllate.org/book/17509/1660034>